

Чтоб добрую память оставить...

СЛОВО «декада», как и всякое другое слово, наполняется для разных людей разным смыслом и даже измеряется разным масштабом во времени.

Что такое декада грузинской литературы и искусства для москвича? Десять дней, в течение которых он вместо «Евгения Онегина» сможет прослушать в Большом театре «Даиси», — десятидневка новых впечатлений, будем надеяться, впечатлений приятных. Это десять дней, когда на прилавках московских магазинов будут в изобилии лежать книги грузинских писателей и, будем надеяться, недолго там залеживаться. Для тех же, кто организывает эту декаду, обдумывает ее план и проведение, — это несколько месяцев напряженной предварительной работы, бесконечные хлопоты, стремление все сделать в срок и беспокойство, что все в срок не делается.

Для деятелей грузинской литературы и искусства их декада измеряется не днями и не месяцами. Минуты более двадцати лет с тех пор, как прошла первая грузинская декада. Вторая подводит своеобразный итог двадцатилетнему периоду в развитии грузинской национальной культуры.

Своими успехами мы обязаны самому развитию советской жизни, развитию победоносному и быстрому, дающему богатейший материал для художника, толкающему его на все новые и новые замыслы. Развитие нашей жизни мудро и тонко распознается и затем направляется нашей партией, так много сделавшей для советской литературы, в том числе для грузинской советской литературы. На протяжении всей истории партия помогала нам, грузинским литераторам, отстаивать идейные основы советской литературы, развивать художественное мастерство. Партия всегда учила нас быть внимательными к нуждам и чаяниям народа, быть принципиальными в идейной борьбе. На новую ступень поднимают нашу многонациональную литературу исторические решения XX съезда партии и последовательное их осуществление. Выступления Н. С. Хрущева «За тесную связь литературы и искусства с жизнью народа» стали программой и для нас, писателей Советской Грузии.

Если говорить обобщенно, то именно связь с жизнью народа, глубоким проникновением в нее объясняется все, что мы, грузинские литераторы, сделали хорошего. Когда же такая связь слабеет, — а в нашей литературе этот коренной недостаток далеко еще не изжит, — произведения получают малокровные, скучные, а то и просто неверные.

Хочется особо подчеркнуть, что развитие грузинской литературы и искусства в эти годы было отмечено печатью яркого национального своеобразия. Когда наши русские друзья, друзья из других республик говорят нам, что вот ваши романы, ваша музыка, ваш театр самобытны, вашу поэзию не спутаешь ни с какой другой, — мы очень гордимся и очень радуемся. И мы отвечаем так. Национальные особенности, национальное своеобразие развиваются в правильном направлении, когда в жизни народов господствует атмосфера уважения друг к другу, внимания друг к другу, дружбы. Социализм, советский строй создают эту атмосферу, рост социализма означает укрепление нашей нерушимой дружбы, которая становится истинным братством. Коммунистическая партия за последние годы очень много поработала над тем, чтобы еще больше выявить творческие таланты и инициативу всех советских народов. Еще монолитнее и радостнее стало наше братство. Не удивительно поэтому, отвечаем мы, что и грузинская литература и искусство дали ярко национальные, своеобразные произведения: в солнечных лучах дружбы советских народов привольно цветут разнообразным цветом нашего многонационального искусства.

БЕГЛО, хотя бы перечислительно, расскажем о некоторых особенностях нашей декады, о том, что радует и что не совсем удовлетворяет нас самих, и о чем мы, писатели Грузии, ждем недвусмысленного дружеского слова москвичей.

Все более решительный поворот к темам современности — вот одна из характерных особенностей нашей романтической прозы. Долгое время у наших романистов это внимание к текущей жизни было слабеватым. Сейчас, конечно, тоже хочется видеть больше романов, повестей, пьес о наших современниках, о наших «соседях» по сегодняшнему дню, строителях завтрашнего дня Советской Родины. Но поворот все-таки сделан. Показательно, например, что мастер грузинской прозы, автор известных исторических романов «Давид Строитель» и «Десница великого мастера» Константин Гамсахурдиа в романе «Цветение лозы» обратился к жизни современной колхозной деревни. Московский читатель в связи с декадой получит в переводе на русский язык романы Т. Донжашвили «На Алазани», Р. Джапаридзе «Вдова солдата», А. Чейшвили «Золотистая паутина», И. Лисашвили «Верность». К сожалению, переводы некоторых романов не успевают к декаде, но в этом печальном факте есть и своя хорошая сторона: ведь и после декады русскому читателю интересно будет узнать что-то о сегодняшнем дне Грузии. А чтоб облегчить ему поиск таких новинок, назовем романы о современности, существующие пока только на грузинском языке. Закончил первую часть нового обширного произведения автор известного романа «Заря Колхиды» К. Лордкипанидзе. Острой конфликтностью сюжета отличается роман О. Чхедидзе «Плотина». Появились романы, навеянные бурным индустриальным ростом сегодняшней Грузии (С. Тавадзе, Л. Авалиани и, в первую очередь, А. Белиашвили, после долгой работы закончившего роман о руставских металлургах).

Я намеренно воздерживаюсь от оценочных эпитетов. В каждом из названных романов есть свои сильные и слабые стороны, но я говорю сейчас не о них, а о тематическом изменении нашей прозы в целом, предполагаю, что оценку того или иного романа московский читатель даст сам.

Если мы говорим о решающей роли современной тематики, значит ли это, что мы намерены вовсе оставить в тени темы исторические? Конечно, нет. Мы говорим только о том, что замыкаться в одну лишь историческую тематику нельзя. (А такая тенденция у нас была).

Как ветвь от живого дерева литературы, произведения исторической тематики, конечно, нужны, и мы очень хотели бы, чтобы эта ветвь также плодоносила богато. Исторический роман, историческая поэма — жанры, традиционные в грузинской литературе; многие из произведений такого рода составляют славу советской грузинской литературы. Таков, например, роман «Арсен из Маранды» М. Джавихишвили, крупного нашего прозаика, чье творчество вместе с творчеством таких выдающихся поэтов, как П. Яшвили и Т. Табидзе, вновь возвращено советской литературе.

Интерес к художественно-историческому жанру вполне объясним в стране, имеющей сложную, уходящую в века, богатую героическими и трагическими событиями историю: достаточно сказать, что осенью этого года мы будем отмечать 1500-летие столицы Тбилиси. И потом главное ведь, как смотреть на историю. А надо смотреть на нее «нынешними глазами». Если описывать только интриги, пиры и охотничьи забавы царей и феодалов, — это одно дело, одна точка зрения. Если же раскрыть исторические закономерности, понять судьбу государственных деятелей прошлого на фоне и в связи с народной жизнью, — то такая книга вызовет совсем иной резонанс. По-моему, именно такой исторический роман написал поэт Гр. Абашидзе. Его «Лашарела» служит сейчас предметом оживленного обсуждения в Грузии.

История учит и воспитывает нас. И с этой точки зрения особенное значение приобретают произведения, рассказывающие о героической борьбе рабочего класса и крестьянства Грузии за свое социальное освобождение. Один из лучших романов на историко-революционные темы в грузинской прозе — «Лицом к лицу» А. Кутатели. В жанре историко-революционной прозы работают сейчас у нас Э. Зедгидзе, П. Лория и др.

Ираклий АБАШИДЗЕ

Особо хочу выделить большой роман «Семья Гвиргвилиани». Его написал выдающийся наш писатель и театральный деятель Шалва Дадияни. Не боясь впасть в преувеличение, скажу, что эта книга — творческий подвиг 84-летнего писателя. Эпоха, предшествующая революции 1905 года, встает со страниц романа во всей своей неповторимости, колоритности, бытвой достоверности. Эта книга — поистине вторая молодость таланта. И знаменательно, что такой взлет творческой энергии переживают сейчас многие заслуженные писатели Грузии. Л. Квачели переработал свой известный роман «Человек гор», значительно улучшив его, другой мастер прозы Д. Шенгелая еще раз отшлифовал лучший свой роман «Бата Кеква» и написал новую повесть на современную тему. С. Квдиашвили, наш интересный рассказчик, опубликовал роман «Ирина Тухарели». А как работает замечательный поэт, патриарх абхазской литературы Д. Гулиа! Сколько новых прекрасных стихов написано нашими опытными, давно уже прославленными поэтами! Все это — хороший пример для остальных писателей, особенно для молодежи, пример требовательности к своему труду, пример неустанного писательского горения.

Успешно развивается за последнее время жанр рассказа, в свое время тоже довольно «дефицитный» у нас. На декаде будет представлено новеллистическое творчество С. Квдиашвили, Г. Натрошвили, А. Белиашвили, К. Лордкипанидзе, А. Ломидзе, Б. Чхедидзе, М. Асатиани, Г. Чиковани и др. Следует заметить, что к рассказу тянется все больше литературной молодежи, и выступает она все более успешно. Приток молодых рассказчиков свидетельствует о том, что грузинский рассказ имеет неплохие перспективы.

НЕ БУДУ столь же подробно перечислять произведения нашей поэзии. Потому не буду, что поэтов у нас очень много, — Грузия издавна зовется страной поэзии, — и потому еще, что я сам поэт и боюсь увлечься и перехвалять своих товарищей по профессии. Скажу общей фразой: грузинская поэзия тоже находится сейчас на подъеме. Прочитайте сборники Г. Табидзе, И. Гришашвили, С. Шаншиашвили, Г. Леонидзе, С. Чиковани, А. Мирцхулава, Г. Абашидзе, К. Калладзе, Р. Маргиани, И. Нонешвили, А. Гомашвили, А. Шенгелая, Г. Шатберашвили, Мак. Мрелишвили, Х. Берулава, Мариджан, Ш. Амисулашвили, О. Челидзе, К. Чичинадзе, Г. Бачахидзе, С. Эули, К. Бобохидзе и других, почитайте сборники абхазских поэтов В. Шинкуба и И. Тарба, осетинских поэтов Гафеза и Р. Асаева, познакомьтесь со стихами молодых грузинских авторов: А. Сулакаури, М. Мачавариани, Ф. Халваши, А. Каландадзе и других, и вы, наверное, согласитесь со мной. А если не верите на слово, рекомендую почитать нашу критику. Содержательные исследования и критические суждения Г. Джибладзе, С. Цхлепа, Г. Натрошвили, Б. Жгенти, Г. Маргвелашвили, В. Шадури, Л. Каландадзе и других критиков и литературоведов пользуются в Грузии заслуженным признанием.

Конечно, не все стихи хороши. Не все, заметим, хороши и переводы, хотя мы очень благодарны многим русским поэтам, отлично поработавшим в области перевода грузинской поэзии, сделавшим ее достойным всесоюзного читателя. (Я имею в виду прежде всего Н. Заболоцкого, Н. Тихонова, П. Антокольского, А. Межирова, В. Державина). Конечно, далеко не все сделано и нашей критикой. И все-таки общее движение вперед грузинской поэзии и грузинской критики заметно, а обилие имен талантливых поэтов и критиков — «хороших и разных» — радует.

...Ну вот я и не удержался ни от «обоймы», ни от «восторга»! Будем утешаться тем, что «обойма» получилась достаточно длинной, а восторг... Если нашим критикам стоит пожелать поменьше восторгов, то в поэзии без них, без кипения чувств, не обойтись. Иначе какая же это поэзия!

Мне думается, что такого кипения мыслей и страстей нашей литературе еще недостает. Как, к сожалению, и в других

литературах, в нашей сегодняшней грузинской литературе, в том числе и в поэзии, проявилась нехорошая тенденция уйти в «бытовщину», в узкую камерность. Некоторые поэты стали жаловаться на то, что жизненные радости переходящи (будто жизнь обязана только радовать их, а они могут быть пассивными наблюдателями ее), или уж очень настойчиво повторяют миллион раз сказанное о временах давно минувших. Право же, будто сегодня сказанные, звучат слова Горького: «Героическое дело требует героического слова».

Пафос героичности, сильные чувства, крупные, резко очерченные характеры — все это составляет драгоценную традицию и грузинской классической литературы. Вспомним пламенных витязей великого Руставели, чеканный — буря чувств и мыслей! — стих поэта и человека удивительной судьбы Д. Гурамишвили, вспомним мощные образы Важа Пшавелы, величественную, словно памятник в веках, Отарову вдову у И. Чавчавадзе. Вспомним нашего замечательного режиссера К. Марджанишвили, его полное революционной экспрессии искусство. На такие вершины мастерства мы должны равняться. Не надо забывать, что в своих лучших созданиях современная грузинская литература и искусство на основе метода социалистического реализма развивает именно героические традиции. Таков образ Бату Карду из романа Л. Квачели «Человек гор», образ самоотверженного советского патриота, яркий, крупный характер. Того же эпически-героического плана, хотя и созданный, естественно, другими художественными средствами, образ крестьянки Портохалы, великой труженицы и хранительницы очага Грузии (из поэмы Г. Леонидзе). Эти же искания героического искусства отличают во многом драматургию Ш. Дадияни и С. Шаншиашвили. Теми же устремлениями руководствовались деятели нашего искусства, когда ставили балет «Отелло» и софокловского «Царя Эдипа».

Усилиями П. Какабадзе, В. Габескирия, И. Вакели, М. Мрелишвили, М. Бараташвили, Г. Келбакиани, Г. Бердзенишвили, Р. Табукашвили и многих других создан интересный и разнообразный репертуар для грузинских театров. И все же хочется от нашей драматургии, как и от нас от всех, большего — искусства более яркого, более подъемного.

Мы живем в замечательное время, время душевного простора, размаха в делах, ясных перспектив на завтра, невиданной дерзости мысли, отбирающей у природы ключи от ее тайн.

Как же хочется, чтобы это время достойно воплотилось в нашем искусстве!

НЕДАВНО мы с академиком Н. Мухелишвили встречались со своими избирателями. Мы разговаривали с молодежью и стариками, механизаторами и учителями, нас встречали тепло и торжественно — именно как представителей грузинской советской науки и литературы.

Три вопроса задавали нам все: о решениях февральского Пленума ЦК КПСС, о советских искусственных спутниках Земли и о предстоящей декаде. На первый вопрос я отвечал вряд ли так полно, как хотелось бы моим слушателям: о колхозной жизни и насущных ее проблемах, об МТС, об экономике они знали гораздо больше меня. Я думал тогда, что неплохо было бы писателям поприсутствовать на обсуждении тезисов доклада Н. С. Хрущева рабочими и колхозниками, — вот где действительно окунались бы мы в жизнь, в самые горячие и актуальные ее треволнения! На второй вопрос — о спутниках — отвечал, понятно, тоже не я. Ну, а о декаде рассказывать пришлось мне. Надо было видеть, с каким вниманием меня слушали, с какой придирчивостью переспрашивали, как строго и любовно говорили о литературе. Мне было очень радостно, ибо я видел, как близко принимают к сердцу нашу работу те, для кого и существует советская литература. Как общий наказ прозвучали тогда слова напутствия:

«Путь счастливый! Чтоб не осрамиться, чтоб Москве оставить добрую память!»

Оставим ли? Мы постараемся.